

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ

ПОЕДИНОК НЕВИДИМОК

Сергей Иванович Зверев

Поединок невидимок

Серия «Засекреченный»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177970

Сергей Зверев. Поединок невидимок: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15496-5

Аннотация

И сильные мира сего вполне уязвимы. Спецслужбы получили информацию о том, что некий олигарх заказал самого Президента. В целях безопасности главу государства срочно подменили двойником. И когда киллер стрелял в свою жертву, то убил другого человека. Причем все это произошло на глазах репортеров, которые были уверены, что засняли на пленку убийство Президента. А потом они показали сенсационные кадры по ТВ. Олигарх получил доказательства выполнения заказа и успокоился. Но не успокоился Президент. Он вызвал лучшего секретного агента Клима Бондарева и дал ему задание государственной важности. Именно Клим должен взять киллера, который приведет спецслужбы к заказчику...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	54
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Зверев

Поединок невидимок

Глава 1

Багровый шар заходящего солнца завис над озером. Его косые лучи дробились в застоявшейся воде, окрашивали низкие перистые облака нежно-розовым цветом. Квакали лягушки, тонко звенели невидимые комары, на водной глади играла, плескалась рыба...

Двое рыбаков на пологом берегу озера, сжимая в руках пластиковые удилища, замороженно следили за поплавками.

– Главное в рыбалке – терпение, – наконец вымолвил невысокий мужчина с удивительно незапоминающейся внешностью.

– А я думал – выпивка, – хмыкнул спутник, широкоплечий брюнет с хитроватым крестьянским лицом. Поразмыслив, он достал из кармана флягу и, скрутив пробку, протянул спутнику. – Клим, будешь? Все равно больше клева не предвидится...

Неожиданно поплавок Клим несколько раз дернулся в сторону, после чего уверенно нырнул, оставив на водной глади правильные сферические круги.

– Окунь, – прошептал рыбак и подсек. Упруго завибриро-

вало удилище, натянулась звенящая леска, и полосатая рыбка, описав дугу, с размаху шлепнулась в прибрежный песок.

– Еще один! – с удовольствием констатировал рыбак, снимая с крючка трепещущего окуня. – А ты говоришь – «не будет»!

– Значит, ни с приманкой, ни с местом ты и на этот раз не ошибся. Случаются и у меня проколы...

Рыбка бултыхнулась в садок.

– Зато ты, Юра, ошибся глобально, – многозначительно оценил Клим. – По жизни...

– Ты про Холезина? – широкоплечий брюнет искоса посмотрел на собеседника.

– И не только...

* * *

...Любовь к рыбалке была далеко не единственной причиной, побудившей двух старых приятелей уединиться на пустынном берегу озера. У Юрия Чудина, занимавшего в нефтяном холдинге «Лукос» одну из ключевых должностей в службе безопасности, давно уже накопилось множество вопросов к своему бывшему сослуживцу Климу Бондареву. Однако задавать эти вопросы можно было только в тех местах, где прослушка невозможна по определению. Поэтому и пригласил Клима на рыбалку, на озеро, часть берега которого принадлежала хозяину «Лукоса». Недостроенный особ-

няк Холезина возвышался неподалеку...

– Юра, ты телевизор часто смотришь? – Бондарев сосредоточенно насаживал на крючок извивающегося червяка.

– Вообще не смотрю. А зачем?

– Очень даже напрасно, – Клим аккуратно закинул удилице, и поплавок почти бесшумно опустился у самой границы камышовых зарослей.

– Телевизор навязывает мне общество людей, которых я никогда бы не пустил себе на порог, – Чудин принялся смаывать снасти. – Тем более я прекрасно знаю, каким именно образом варится вся эта лапша на информационных фабриках-кухнях. Помнишь «407-ю» школу?

– До сих пор снится! – едва заметно улыбнулся Бондарев; в свое время он, как и его спутник, также стажировался в совсекретной гэбэшной школе в Ленинграде, называемой на профессиональном чекистском жаргоне «Пентагоном». – Только по курсу «Техника манипулирования населением посредством СМИ» у тебя была тройка...

– Поэтому меня не в Цюрих отправили, как мне было обещано, а в Восточный Берлин...

– Я, как ты знаешь, тоже служил в ГДР, о чем никогда не жалел... Впрочем, к нашему разговору это никак не относится. Так вот, относительно твоих проблем... На твоего теперешнего хозяина круто наехали. Пока что налоговики, и это только цветочки. Даю тебе слово: еще месяц, максимум – два, и от нефтяного «Лукоса» ничего, кроме воспоминаний,

не останется. И тогда Холезину придется спешно переводить активы за границу и бежать туда самому или садиться на нары.

– Ты считаешь, что это Кремль наехал? Или конкуренты?

– Говорят, закон, – Клим независимо передернул плечами.

– А вот я уверен, что это – конкуренты, которые и прикрываются именем закона, – с едва заметным раздражением отмахнулся Чудин. – Еще когда я увольнялся с Лубянки, отдавал себе отчет, на кого буду работать. Холезин немало сделал для нынешнего президента. Уверен – его не тронут, много знает. Да и государству невыгодно ниже плинтуса опускать одну из самых рентабельных нефтяных компаний в мире. Это не говоря уже о том, что серьезные бизнесмены перепугаются и уведут свои деньги в безопасные западные банки.

– Холезин не ангел, – Бондарев подсек и спустя секунду вытащил новую рыбу. – К тому же у него нездоровые политические амбиции. Ты сам говорил...

– Я этого не отрицаю. Так же как и то, что я – профессионал. Мне хорошо платят, и пусть я буду защищать даже самого страшного негодяя, я не допущу, чтобы ему причинили вред. Профессиональная этика.

– Ты пригласил меня на рыбалку, чтобы это сообщить?

– Просто я хочу спросить твоего совета... – Чудин неторопливо отхлебнул из серебряной фляги и внимательно посмотрел на противоположную сторону озера, где с самого по-

лудня маячил небольшой дюралевый катерок. – Каким ты видишь дальнейшее развитие событий?

Бондарев равнодушно передернул плечами.

– Сперва налоговая находит нарушения. А уж про то, как сибирские нефтепромыслы перешли к «Лукосу» после залоговых аукционов, ты знаешь и сам. Затем – глубокая проверка. Счетная палата, Генпрокуратура, ну... и наши бывшие коллеги. Затем – следствие, суд... Не исключаю публичную порку – чтобы другим неповадно было. А уж доказательная база наверняка удивит даже тебя. Так что советую подумать о будущем и сойти с корабля на берег...

– Хочешь сказать, что дело «Лукоса» уже решено на самом верху? – Чудин достал из футляра бинокль и влип глазами в окуляры.

– Дела, как говорят, у прокурора... А у Холезина пока не дела, а делишки. Вскрытие покажет. Дай-ка бинокль...

Отложив удилище, Бондарев несколько минут смотрел на странный катерок, притаившийся в камышовых зарослях. Двое мужчин, сидевших на корме, лениво курили. И хотя длинное удилище, показательно торчавшее с борта, вроде бы свидетельствовало об их интересе к озерной фауне, оно не могло обмануть опытного Клима.

– На том берегу – так называемые «госдачи», – напомнил Чудин, словно поддерживая ход мысли спутника.

– Похоже, нас или твоего хозяина выпасают.

– Кто?

– Спроси что-нибудь полегче.
– Может, это все-таки рыбаки?
– Рыба там не может ловиться по определению. Во-первых – вода «цветет», во-вторых – сток канализации, в-третьих – камыши, обязательно леску порвешь.

Функционар службы безопасности «Лукося» извлек из кармана мобильник, а Клим, поднявшись повыше, внимательно осмотрел через оптику противоположный берег.

Ошибки быть не могло – это было типичное наружное наблюдение. Сменщики согладатаев, появившиеся на весельной резиновой лодке спустя минут пять, только утвердили Бондарева в его догадке.

А к Климу уже спешил Чудин. Судя по сосредоточенному выражению лица, его также взволновали неизвестные наблюдатели.

– Только что связался со своим старым приятелем, – сообщил он. – Говорю, мол, убери своих «топтунов», я их уже засек. А тот удивлен не меньше моего. Мол, каких еще «топтунов»? Не мои, мол, люди...

– Раскрытых наблюдателей обычно сразу же меняют, – Бондарев извлек из воды садок с трепещущими рыбками. – После чего опера выгребают за непрофессионализм фигурных звездюлей от начальства... А эти и не торопятся уходить. Взгляни-ка, – он протянул собеседнику бинокль. – Те двое, которые нас выпасали, в надувную лодку усаживаются, а на их место...

– Если это не Контора – чего нам бояться? – хмыкнул Юрий. – Сидим, рыбачим, культурно выпиваем. Ты что – решил удочки смотать?

– Не люблю светиться перед незнакомцами, – быстро сложив снасти, Бондарев дернул приятеля за рукав. – Давай-ка подальше отсюда... Да и клева сегодня уже не будет. Не видишь – дождь собирается?

– Ты прав, – промолвил Юрий. – На хрен мне про них думать? Своих проблем хватает.

* * *

К полуночи дождь измельчал и превратился в мерзкую водяную взвесь, заполнившую пространство между небом и озером. Шершавая зыбь, накатывавшая на берег, едва слышно шлепала в скулу дюралевого катерка, притаившегося в камышовых зарослях.

Двое молодых мужчин, сидевших в катерке, ежились от холода и тоскливо молчали.

– До конца смены еще семь минут, – наконец молвил один, – лысый атлет в болоньевом спортивном костюме.

Его спутник, светловолосый коротышка с рано оформившимся брюшком, достал из сумки термос.

– Радикулит и насморк, считай, обеспечены. Профессиональные болезни, – коротышка набулькал в чашку из емкости и протянул ее спутнику. – Будешь?

– Водки я бы еще и выпил. А кофе... что-то не хочется.

– А если он с коньяком?

Неожиданно у самого берега послышалось едва различимое плесканье. Амбал в спортивном костюме вскинул прибор ночного видения.

Вдоль камышовой кромки медленно плыла надувная лодка с двумя мужчинами, одетыми в плащ-палатки. Лодка двигалась со стороны госдач, и это обстоятельство наводило на естественную и приятную мысль о сменщиках.

– Наконец-то! – Коротышка отхлебнул кофе и потянулся к прибору ночного видения. – Хотя... Что-то рано. Обычно они запаздывают.

– Может, случилось чего? Или вообще снимают с объекта? – Амбал достал из кармана фонарик и посигналил условным кодом.

В ответ со стороны лодки лишь вспыхнул желтый электрический конус, но спустя секунду тут же погас, и следом полетел взволнованный шепот:

– Зараза! Опять лампочка перегорела!

Спустя минут пять надувная лодка беспрепятственно подошла к катерку. Резиновый бок упруго ткнулся в дюрале-вую обшивку.

Но тут произошло то, чего на катерке явно не ожидали. Короткий резаный хук в живот из-под плащ-палатки – и амбал в спортивном костюме сложился перочинным ножиком. Коротышка успел-таки сунуть руку в мышечную кобуру,

однако удар по локтю заставил его болезненно ойкнуть. Спустя секунду небольшой холодный пистолетик уже лежал в ладони Клим Бондарева.

Тем временем Чудин, схватив амбала за шею, сунул его голову в воду. Сопротивление было бессмысленно: другой рукой функционер охраны «Лукося» грамотно заламывал кисть жертвы. Сперва амбал беспомощно пускал пузыри и сучил ногами по дюралевому днищу, но вскоре затих. Коротышка и не думал сопротивляться: в глазах у него промелькнул кадр из «Мира животных»: полупрозрачная тонкая верховодка слабо трепыхалась в зубах наглой зубастой щуки.

– Вот так ловится крупная рыба! – хмыкнул Чудин, на секунду поднимая из воды голову жертвы. – Кто вас послал?

– Ккззеелл...

– А за козла – ответишь! – Юрий с силой сунул голову в воду.

Бондарев осмотрел пистолет, отнятый у коротышки. Это был «Зиг-Зауэр», приспособленный для бесшумной стрельбы ампулами с паралитическим веществом. Больше на катере оружия не наблюдалось. Зато спецаппаратуры для ведения видеосъемки и дистанционной прослушки тут было выше крыши.

– Смотри-ка... – Клим взглянул в визир видеокамеры и включил режим просмотра. – Как они тщательно нас с полудня писали... Михалковы, бля, с Кончаловскими!

– Не ругайся, – Чудин вновь приподнял голову амбала. –

Поговорим, или как?

На этот раз амбал и не думал обзывать – на его мокром лице, перемазанном ряской, застыло выражение тупого удивления.

– Шок, – констатировал Бондарев. – Как говорится – с расчетом долговременного рауша. Раньше, чем через полчаса не оклемается.

– Тогда будем говорить с тобой, – Чудин недобро взглянул на пузатого коротышку, с ужасом взиравшего на экзекуцию товарища.

– Вы за все ответите... – только и сумел пробормотать тот.

– Отвечать будешь ты, – вежливо перебил Клим. – Мы вежливо задаем вопросы, а ты честно отвечаешь. Или не отвечаешь... Короче, давай по порядку. Давно вы нас выпасаете? Кто послал? Что уже написали в рапорте? Кто вас интересуется?

– Аркадий Холезин... – едва слышно пробормотал допрашиваемый.

– Все сходится, – мрачно хмыкнул Юрий. – Вы из Конторы?

Коротышка молча отвернулся, всем видом демонстрируя нежелание отвечать на подобные вопросы, он и так уже сказал лишнее.

– Удостоверений при них нет, уже обыскал, – Бондарев поправил капюшон плащ-палатки и задумчиво взглянул на черную, будто отлитую из стекла гладь.

– Может, утопить их на хрен? Аппаратуру на шею повисим, – задумчиво прикинул функционер службы безопасности «Лукоса». – За несговорчивость. Дно тут вязкое, к утру в ил и засосет...

– Редкая птица долетит до середины озера, – кивнул Бондарев коротышке. – Только камеры и прочую аппаратуру мы на борту оставим. Ваше начальство все равно не будет проводить никаких широкомасштабных расследований, обещаю. Знаю я вас, очковтирателей... Никто не хочет неприятностей на свою задницу. Вашу смерть спишут на вашу же халатность. Мол, задубели по мокрой погоде, хлебнули из термоса чего-то покрепче чая... Вот лодка и перевернулась.

– Так будем говорить? – агрессивно перебил Чудин.

– Оставь его... – Клим улыбнулся с неожиданной ласковостью. – Не хочет говорить – не надо. Тогда я за него все скажу. Лубянка – далеко не единственная структура, которая интересуется опальным олигархом Холезиным. Ты – из Федеральной службы охраны... Я ведь не ошибся?

– Не-е-ет... – промямлил коротышка, однако по его взгляду безошибочно читалось, что так оно и есть.

– Твоего напарника я не знаю... Видимо, рядовой опер из наружного наблюдения. А вот тебя запомнил отлично. Я ведь у вас иногда бываю... Твоя аппаратная – третья дверь слева в техническом отделе. А теперь продолжай сам...

– У нас служба... приказ. Начальство интересуется абсолютно все, связанное с Аркадием Холезиным. Контактеры, пла-

ны, переписка... Больше я ничего не знаю.

Чудин внимательно осмотрел термос, скрутил крышку и понюхал содержимое.

– Двухлитровая колба. В самый раз. Сейчас завяжем ему руки, в термос – камней, и на шею...

– Ну, нравится ему людей топить. Оставь его, – Клим отщелкнул из видеокамеры цифровой чип с записями и, подумав, забрал остальные наработанные материалы. – У ребят и так неприятностей хлебать не расхлебать. Потеря бдительности налицо.

– ...утрата вещдоков, – мстительно подсказал Чудин. – Что там еще?

– М-м-м... Сговор с объектами наблюдения. Разглашение служебной тайны.

– А как насчет – с рапортом в зубах на ковер к начальству? А мордой по дерьму? – не унимался Юрий. – А если мы из внутренней безопасности? Ну, с проверкой? А ты уже всех и все сдал!

– Ладно, оставь их, – отмахнулся Бондарев.

После недолгой паузы, в течение которой незадачливые соглядатаи дрожали и растекались, как желе, терзаемые надеждой и страхом, Клим пересел в надувную лодку и молвил:

– Хрен с вами. Живите. И помните нашу доброту.

Потрепав амбала в спортивном костюме по плечу, Юрий последовал примеру товарища.

– И вот еще что, – взяв весло, он оттолкнул лодку от бор-

та катерка. – Я бы на вашем месте поспешил во-о-он к тому берегу. Вашим сменщикам не очень-то удобно лежать в ледяной воде... К тому же – связанными своими же брючными ремнями и с залепленными скотчем ртами.

– Аппаратура у вас самая современная, – напомнил Бондарев, направляя лодку на середину озера. – Так что с вашими приборами ночного видения вы быстро найдете коллег, пока они еще не остыли. А теперь думайте, как будете выкручиваться перед начальством!

Спустя несколько минут надувное судно растворилось в темноте.

Неожиданно дождь усилился. Теперь капли барабанили по дюралевой обшивке катерка. Косые струи перечеркивали пейзаж, словно линейки тетрадку первоклассника.

Жертвы пришли в себя довольно быстро, однако преследовать загадочных мужчин не решились. Амбал в болоньевом спортивном костюме долго искал незваных гостей сквозь визир прибора ночного видения, но – тщетно. Несомненно, люди, за которыми они следили с самого полудня, были профессионалами высочайшего класса – растворились в темноте без звука, без следа.

– Ладно, – коротышка потянулся к термосу. – Все равно не найдешь. Давай лучше подумаем, что начальству врать станем.

– Лучше правду сказать, – серьезно прикинул амбал, – да и наших сменщиков надо бы отыскать.

– Вот они как раз во всем и виноваты! – коротышка ухватился за спасительную соломинку.

– Они то же самое напишут о нас.

– Так ведь тот высокий мужик, который и нас, и их вырубил... точно из охраны Холезина! Мы его уже неделю как выпасаем!

– А вдруг это не из охраны? Или его перевербовали?

– Хочешь сказать, что нас действительно наши и проверяли?.. – это было самым страшным предположением.

– Хочу сказать, что у нас по-любому серьезные неприятности...

* * *

Гости, впервые попадавшие в гостиную Клима Владимировича Бондарева, обычно подолгу простаивали, глядя на стены, и восхищенно цокали языками. Причин для удивления было более чем достаточно: гостиную украшали многочисленные трофеи хозяина.

Огромное чучело волжского сома невольно воскрешало в памяти легенды о каннибальских наклонностях самых больших обитателей пресных вод. Чудовищных размеров голова рифовой акулы, висевшая над камином, наводила на мысли о фильме «Челюсти». Высушенный скат, покачивающийся под люстрой, неуловимо напоминал макет бомбардировщика «Стелс».

Фотографии хозяина заслуживали особого внимания. Клим в Эквадоре, на берегу Тихого океана с огромным тунцом; Клим в Амазонии, в обществе татуированных аборигенов охотится на рыб с луком и стрелами; Клим на берегу Хуанхэ со спиннингом, Клим на льду Енисея с зимними снастями...

Впрочем, наблюдательные гости сразу же обращали внимание на старую выцветшую фотографию эпохи волюнтаризма и развенчания культа личности. Двое мальчишек с простенькими самодельными удочками сидели на парапете Невы. Первый, в котором безошибочно угадывался Бондарев в детстве, сосредоточенно смотрел на трехлитровую банку с живыми рыбками. Второй выглядел не по годам серьезно, и лицо его было настолько узнаваемым, что гости долго и удивленно пялились на снимок, терли глаза, после чего смотрели на хозяина с вопросительным уважением... Впрочем, Клим сразу же пресекал дальнейшие вопросы.

«Росли вместе», – комментировал он с такой лаконичной многозначительностью, что желания расспрашивать больше не возникало...

* * *

Поправив огромное чучело морского черта, висевшего как раз над сентиментальной детской фотографией, Бондарев уселся перед телевизором: как и многие люди его склада

ума, он начинал день с просмотра теленовостей. И хотя аналитическая программа «Резонанс» одного из главных федеральных телеканалов не давала всей полноты информации, при должном анализе из ее просмотра можно было почерпнуть немало ценного...

Телеведущая Тамара Белкина привычно улыбнулась и, едва взглянув в студийный ноутбук, сообщила казенно-приветливо:

– Сегодня утром владелец нефтяной компании «Лукоc» Аркадий Михайлович Холезин в очередной раз был вызван в Генпрокуратуру...

На экране промелькнуло изображение знакомого Бондареву здания на Большой Дмитровке. У ворот, отделявших улицу от внутреннего двора, тусовалось несколько десятков репортеров. Огромный бронированный «Мерс» с плавной вальяжностью затормозил перед зданием, и опальный олигарх Холезин, сдержанно улыбнувшись, вскинул два пальца, расставленных буквой «V», и двинулся к нехорошим воротам. Операторская камера тут же наехала ему прямо в челюсть с невыгодного ракурса. Отчего, в общем-то, симпатичный моложавый олигарх стал похож на олигофрена.

Репортеры встрепенулись. Подняв над головой Холезина микрофоны на штативах, словно пики, они посыпали вопросами:

- ...господин Холезин, каковы перспективы «Лукоcа»?..
- ...что инкриминируют вам, кроме сокрытия доходов и

переводов части активов за рубеж?

– ...насколько реален пересмотр итогов приватизации в России?..

– ...кто за этим стоит? Силовики?

Реакцию героя телерепортажа можно было только домысливать, он сказал пару бессвязных слов – после обрезки кадра на экране вновь появился крупный план Белкиной.

– ...однако неожиданно для многих статус Холезина изменился. Следователи Генпрокуратуры предъявили ему официальное обвинение: сокрытие доходов и, как следствие, уклонение от уплаты налогов. После соблюдения всех необходимых формальностей олигарх был взят под стражу и препровожден в один из следственных изоляторов Москвы. По неофициальным сведениям, юристы «Лукоса» уже зондируют почву среди наиболее влиятельных акционеров нефтяного холдинга. Причем не столько в Российской Федерации, сколько в странах Евросоюза и в Соединенных Штатах Америки...

На экране появился седоватый пожилой господин в костюме консервативного покроя. Согласно титрам, это был Дмитрий Антонович Логвинов – один из многочисленных адвокатов опального олигарха.

– На самом деле все очень просто, – вздохнул адвокат. – Налицо – пересмотр итогов приватизации начала девяностых годов. Высокорентабельный «Лукос» – лакомый кусочек, на который давно засматриваются новые кремлевские

олигархи с кагэбэшным прошлым. Они понимают, что надо спешить. В 2008 году в России наверняка будет новый президент, у которого будут свои друзья... И уж тогда этим деятелям...

– Вы хотите сказать, что решение об аресте Аркадия Холезина было принято на самом верху? – поинтересовался корреспондент.

– Я хочу сказать только то, что сказал, – обтекаемо подытожил Логвинов.

И тут в кадр упала заставка, после чего камера вновь дала останкинскую студию с логотипом «Резонанс».

– Это мнение адвоката. Напоминаю, что делом «Лукоса» занимается Генпрокуратура, которая в нашей стране совершенно независима в своих решениях. Естественно, президент вряд ли будет комментировать высказывания юристов «Лукоса», – улыбнулась Белкина с аптечно дозированной иронией. – Тем более что с сегодняшнего дня глава государства отбыл на плановый отдых в Сочи, в правительственную резиденцию Бочкарев Поток. Как отдыхает глава государства? Какие вопросы госуправления он не может никому передоверить? Это волнует многих. И нашему каналу предоставлена уникальная возможность заснять день президента на отдыхе. Наша съемочная группа уже готовится к выезду. На следующей неделе смотрите документальный фильм «Один день с президентом»!.. После рекламы мы продолжим обзор новостей. Оставайтесь с нами...

Бондарев щелкнул пультом дистанционного управления – изображение на экране, собравшись в одну точку, исчезло.

Клим долго размышлял, стоит ли ему позвонить Чудину или нет. По логике событий, в головном офисе «Лукоса» уже несколько часов должны были идти «маски-шоу» с выемкой документов, съемом компьютерной информации и прочими уголовно-процессуальными действиями. Так что старый товарищ в лучшем случае мог давать свидетельские показания, а в худшем – оформляться в следственном изоляторе.

– А чем, собственно, я рискую? В тяжелую минуту иногда важно просто понять, что люди от тебя не отвернулись, – хмыкнул Клим и, взяв мобильник, набрал номер Юры.

Мобильник Чудина почему-то был отключен. Не отвечал ни его домашний телефон, ни телефон родителей. Поколебавшись, Бондарев все-таки позвонил в офис «Лукоса».

– Юрий Владимирович уехал сегодня утром, – сообщила секретарша. – Сказал, что телефон отключает, чтобы его не беспокоили.

– Куда уехал? За рубеж? – естественно предположил Клим.

– Нет, билетов я ему не заказывала. Он в России... Скорее всего – на рыбалке, в Подмосковье.

– Странно, почему он меня не пригласил на этот раз? – пробормотал Клим, нажимая «отбой».

– ...и запомни простую вещь: президент – это прежде всего виртуальный объект, – молвил телережиссер и, оторвавшись от визира камеры, закурил от зажигалки, предупредительно поднесенной оператором. – Значит, и подавать его в СМИ надо именно как объект... И только таким образом, чтобы у электората подсознательно формировалось положительное отношение к главе государства. И поменьше примитивного официоза. Все эти Георгиевские залы с их державным азиатским украшательством уже всех достали. Больше жизни! Вопросы есть?

– Понял, – тяжеловесный оператор в джинсовом костюме почесал бороду, спрятал зажигалку и зашелестел сценарием. – А когда наш объект подойдет?

– Когда надо! Мне он не докладывает. Он вообще никому не докладывает, – вспыхнул режиссер.

Последующие полчаса телевизионщики прикидывали натуру и интерьеры, в которых глава государства выглядел бы наиболее эффектно.

– У нас четыре варианта сценариев, – сообщил режиссер доверительно. – И, что характерно – руководство канала утвердило их все!

– Какой же пойдет в работу?

– Тот, который утвердит главная инстанция!

Президент появился после завтрака. Уставшие и печальные глаза бывшего комитетчика свидетельствовали о желании отложить дела хотя бы на несколько дней. Однако утверждение сценария сюжета о собственном отдыхе – тоже работа, и потому первым днем в Бочкаревом Потоке пришлось частично пожертвовать...

Глава государства демократично присел рядом с телережиссером и взял сценарий. Двое не улыбочивых мордатых атлетов в одинаковых серых костюмах грамотно осмотрели аппаратуру и, не обнаружив ничего подозрительного, встали чуть поодаль.

– Так, что у нас на сегодня, – глава государства зашелестел страницами. – Утренняя пробежка – это мы уже пропустили... чтение прессы, просмотр новостей, работа с документами... А это что? Ага, заплыв в море. И как далеко мне прикажете заплывать?

– Поглубже... в смысле подальше, – натянуто улыбнулся режиссер.

– А зачем?

– Россияне должны видеть в вас не только главу государства, но и живого человека. Зритель всегда обращает внимание на то, что ему ближе и понятней, – телевизионщик откашлялся в кулак и, осмотревшись, уперся взглядом в породистого черного лабрадора. – Вот, например, утренняя пробежка... Не могли бы вы отправиться на пробежку с собакой?

– Запросто, обычно так и поступаю – как нормальный че-

ловек. Что-нибудь еще?

– Работа с документами... Нам сказали, что в ближайшее время вам направят прошения о помиловании преступников.

Глава государства скинул пиджак и, чуть расслабив узел галстука, взглянул в сторону побережья.

Среди коричневых и красных крыш президентской дачи, среди кипарисовых и шелковичных деревьев в зыбкой ясности летнего утра открывался замечательный пейзаж. Бирюзовые переливы моря, пронзительная голубизна неба, нежная дымка на горизонте – все это наводило на мысли, далекие от телевизионных репортажей... И лишь серые контуры сторожевиков свидетельствовали о высоком статусе гостя и одновременно хозяина Бочкарева Потока.

– Забросить бы все на пару дней, взять удочку – и куда подальше! – мечтательно произнес президент. – Как в детстве... Ладно. Значит, утренняя пробежка с собакой – под вопросом, вам сообщат окончательное решение вечером, работу с документами и заплыв можете снять сегодня.

– Давайте, завтра еще и рыбалку с катера снимем, – рискнул вставить оператор. – Вас в таком образе еще никто не представлял. Уникальные кадры для истории.

– Символично, – поддакнул режиссер и тут же подумал про оператора: «Наглый, но сработало, даже в обход сценария! А вот „для истории“ он зря вкрутил. Получается, что президент для него как бы величина непостоянная».

– Я подумаю над вашей просьбой... и даже, наверное, соглашусь.

– Нам тогда сегодня катер будет нужен, точки «пристрелять», – оператор почувствовал, что пошла «пруха», и пытался вытянуть из короткой встречи по максимуму.

– Обратитесь к моему помощнику, который курирует съемки, – прежняя сентиментальность испарилась, глава государства не любил, когда к нему обращались с мелкими просьбами. – Ну и слова у вас интересные – «пристрелять», – хмыкнул бывший комитетчик. – А Белкиной, она уже едет из аэропорта, – президент произнес это так, будто видел популярную телеведущую в магическом стеклянном шаре, – передайте, что я смотрел вчерашний «Резонанс». Достойная работа, особенно сюжет про Холезина – тема скользкая, но исполнена выверенно.

Глава 2

Тонко прозвенел, простучал по рельсам первый столичный трамвай. Сонные пассажиры поднялись по ступенькам в еще прохладный салон. Как обычно водится ранним утром, никто не заводил разговоров. Кто дремал, кто смотрел в окно на проплывавшие, подрагивающие за пыльным стеклом московские пейзажи, кто уткнулся в газету. Общественный транспорт объединяет людей разных убеждений, поэтому в их руках и разворачивались газеты, представляющие весь спектр политических взглядов столицы. Газеты были разные, но со всех первых полос улыбался москвичам один и тот же человек – «заключенный номер один», опальный олигарх, «владелец заводов, газет, пароходов», вот только заголовки под фотографией Аркадия Михайловича Холезина были разные.

– И правильно сделали, что посадили! – внезапно нарушил молчание в салоне зычный голос, в котором без труда угадывались командирские нотки отставного военного.

Никто даже не стал переспрашивать: «А кого именно?» – ясно, о ком зашла речь.

– Как вам не стыдно? – с вкрадчивой агрессивностью отозвалась старушка с лицом школьной учительницы и опустила прогрессивную газету. – Он в тюрьме оказался, может, и за дело. Но русскому народу свойственно снисхождение к

униженным и оскорбленным. Вы – не русский человек!

– По справедливости, таких, как он, не сажать, а стрелять надо, – прямолинейно озвучил жизненную позицию бывший военный. – А вот насчет того, кто из нас русский, это еще посмотреть надо. Я десять лет в Казахстане в голой степи служил. А вы в это время в Москве штаны протирали и памятник Дзержинскому сбрасывали.

– Отец, – незлобно отозвался молодой человек в костюме и галстуке, – чем тебе плохо сейчас живется? Тебе чего – тюрьмы не хватает?

– А ты где работаешь?

– На фирме, – уклончиво ответил молодой человек.

– Значит, и по тебе тюрьма плачет. Разворовали Родину.

– Все они: и олигархи, и власть в одном дерьме замазаны. Посидит малек, тихо выпустят, и на Канары уедет. У них все давно между собой договорено, – бросил через плечо работа в болоньевой куртке и американской бейсболке. – Камера у него, батя, побольше твоей хрущевки, и обеды из ресторана к нему привозят вместе с проститутками.

– Так вот же совсем другое пишут, – заступилась, тряхнула газетой старушка.

– Написать все что угодно можно, а вот вчера по телевизору правду показывали... – привел дремавший до этого работа убийственный аргумент, но договорить не успел, дверь трамвая открылась, и пришлось ему выходить...

Народ в городском транспорте был уверен, что знает мно-

гое, если не все, а вот те, кому по долгу службы полагалось знать больше других, сами терялись в догадках. Посадка опального олигарха, не пожелавшего расставаться с нефтедобычей, стала для них неожиданностью. Когда еще только брезжил рассвет, к знаменитой на всю Россию Бутырской тюрьме съезжались журналисты. Кто раньше приедет, тот и займет лучшее место для съемок. Хотя, что именно предстоит снимать, никто наперед особо не задумывался. Главное – появился новый информационный повод, который при желании можно мусолить в эфире не один месяц, выстраивать версии случившегося, делать прогнозы, приглашать в студии политологов и геополитиков, наводить телемосты, проводить ток-шоу и опросы граждан на улицах. Но первым делом предстояло снять саму тюрьму, в которой оказался тот самый человек-повод.

Десятки камер уже давно растопырили ноги штативов неподалеку от закопченных временем и городским дымом стен Бутырки. Блестящий металл фирменной аппаратуры покрывала утренняя роса. Журналисты сбились в группки, попивали кофе из пластиковых стаканчиков, и только операторы не отходили от камер. Профессия такая – в любой момент может случиться событие, заслуживающее внимания.

Цыганский табор телевизионщиков отгораживала от тюрьмы полосатая красно-белая лента, которую охраняли два молчаливых милиционера. На все вопросы они отвечали или невнятным, но грубым мычанием, когда к ним цепля-

лись журналисты отечественные, или вежливо отсылали подалеже – к начальству, когда пробовали подкатиться зарубежные.

– Так. Где окно его камеры? – попытался в очередной раз добиться от коллег правды оператор столичного телеканала.

Он снял уже три окна с толстыми решетками и с «намордниками», и каждый раз его заверяли, что оно «то самое».

– Хватит и того, что есть, – успокаивал его сосед, тоже поддавшийся на розыгрыши коллег-всезнаек, – вот увидишь, покажут в эфире все три снятых нами окна и скажут что-нибудь о режиме тотальной секретности, которой окружен арест.

– Тогда на хрена мы сюда вообще технику гнали? У меня в видеоархиве этих тюремных окон – выше крыши, – возмутился неугомонный оператор и тут же схватился за камеру, вскинул ее на плечо, приклеился глазницей к окуляру в надежде, что на этот раз его ожидание снять нечто этакое оправдается.

Дрогнула синяя железная дверь, из-за нее испуганно выглянул краснолицый прапор внутренней службы, за его спиной хохотнули сослуживцы. Кто-то подтолкнул его в плечи, и дверь тут же закрылась. Прапор рванулся было назад, но спохватился, глубоко вздохнул, поправил фуражку, прикрыл еще более раскрасневшееся лицо папкой и побежал трусцой. На бегу он стыдливо придерживал солидный живот левой рукой, чтобы не так трясся.

Объектив камеры проводил прапора до угла. Красный индикатор все еще горел, когда из-за того же угла показался скромный пучеглазый «Мерседес».

— Едет... — пронесся среди журналистов тихий восторженный шелест, и все смолкли.

В наступившей тишине было слышно только, как работают камеры да жужжит двигатель легкового автомобиля. «Мерседес» зарулил на стоянку. Еле заметный синеватый дымный шлейф за выхлопной трубой оборвался.

Выходившего из машины адвоката тут же окружили застоявшиеся без дела журналисты. Прямо под нос ему совали диктофоны, мохнатые телевизионные микрофоны заслонили над ним небо, его лицо одновременно отразилось в десятке объективов. Адвокат Логвинов самоуверенно улыбался, он даже умудрялся не моргать под фотографическими блицами. Посыпались вопросы:

— ...на чем вы собираетесь строить линию обороны?

— ...правда ли, что вы вчера встречались в Кремле с главой администрации?

— ...в каких условиях содержится подзащитный?

Адвокат Логвинов поправил седые волосы с таким видом, будто их растрепал не ветер, а шквал вопросов, и негромко кашлянул. Мгновенно все смолкли, как ученики в классе, куда заглянул строгий директор школы.

— Разрешите пройти, — уважительно произнес адвокат и двинулся к крыльцу. — Не могу говорить, с меня взяли под-

писку.

– Всего пару слов!

– Где его окно?!

– Обо всем потом, – хорошо поставленным голосом, членораздельно говорил на ходу адвокат. – Спасибо, что пришли. Я тронут, ведь пресса не осталась в стороне. Я передам моему подзащитному, что о нем помнят в России и за рубежом...

Логвинов грациозно и легко для своего возраста поднырнул под красно-белую заградительную ленточку. Двое мрачных милиционеров тут же опустили ее, отрезав дорогу журналистам.

В каждом хорошем адвокате спит и ежедневно просыпается талантливый актер. Паузу Логвинов умел держать, он знал, что ни одна камера не прекратит работу, пока он не скроется за стальной дверью, выкрашенной дурацкой синей краской. Не дойдя до крыльца трех шагов, он остановился, словно решал: «а стоит ли?», повернулся на скрипучих кобелуках.

– Господа, я не только адвокат, но и гражданин России. Мне кажется, что своим решением бездарные помощники просто подставили нашего президента. Мой клиент – законопослушный гражданин, он остался в стране, хотя его предупреждали и пугали – уезжай. Он верит в справедливость закона. Но другие люди его уровня... они пришли из своеобразных структур, – Логвинов красноречиво покосился на

тюремные стены, – из структур, где верят не в силу закона, а в закон силы. И кто знает, к чему приведет эта вера страну.

Сказав это, адвокат картинно прикрыл глаза ладонью и избежал на крыльцо. Ему удалось даже сорвать жиденькие аплодисменты издавших виды журналюг.

Стальная дверь закрылась, обрезав утихающие хлопки. Саркастическая экранная улыбка тут же исчезла с губ Логвинова, его лицо приобрело обычное деловое выражение.

* * *

Адвокат выложил в окошко мобильный телефон:

– Беспокоить не будет, я его выключил.

– Вещества, предметы... Ничего запрещенного не проносите? – бесстрастно поинтересовался офицер тюремной охраны.

– Молодой человек, я не первый раз пересекаю порог этого заведения, – адвокат раскрыл кейс, пролистал пальцами бумаги. – А теперь насчет запрещенных веществ и предметов, о которых вы упомянули. Учтите, у меня наглухо зашиты карманы в пиджаке, брюках и даже нагрудный в рубашке. Так что никакого компромата мне по дороге подбросить не удастся. Ни патрона, ни пакетика героина.

Взгляд тюремного офицера на мгновение очеловечился, в нем даже промелькнула обида.

– Я не имел в виду именно вас, – процедил адвокат, при-

нимая расписку. – В моей практике всякое случалось.

Просторный кабинет для бесед адвоката с подзащитным выглядел достаточно стильно, со свежим ремонтом по типу «евро». Логвинов, однако, предпочел бы оказаться в одном из старых, обветшавших, не подвергшихся модным веяниям. Пусть там и повернуться негде, и плесень покрывает потолок, но вести конфиденциальный разговор сподручнее. А тут... Логвинов обвел взглядом зашитый пластиковой рейкой потолок, утопленные в нем светильники, навесные панели стен.

«За всем этим легко спрятать студию звукозаписи и с десяток телекамер. Вот хотя бы этот погасший галогенный фонарь – чем не панорамный объектив?» – подумал он, расстегнул и положил на стол наручные часы.

Охрана ввела олигарха. Холезин выглядел свежо, бодро, сел так, словно перед ним за казенным столом расположился не адвокат в единственном числе, а собрание директоров всех филиалов его финансово-сырьевой империи «Лукос».

– Аркадий Михайлович, рад вас видеть, – Логвинов хорошо помнил, что Холезин практически никогда и ни с кем не здоровался за руку, а потому даже не расцепил пальцев.

– Я тоже. Как мои дела? – Олигарх снял очки в тонкой оправе, и от этого сразу перестал быть похожим на рассеянного интеллигента-гуманитария, колючий взгляд нехорошо царапнул душу Логвинова.

«Он слишком молод, чтобы смириться со случившимся, –

подумал адвокат. – А придется. Высоко взлетел – больно падать».

– Не ваши, а наши дела, – виртуозно поправил Логвинов и поддернул манжеты. – Я просчитывал и такой – худший вариант развития событий, а потому заранее подготовил стратегию нашей обороны. Я выстрою ее на выявлении процессуальных нарушений во время ведения следствия. Вот, у меня уже кое что есть, – крышка кейса блеснула и отворилась. – Впоследствии их наберется очень много. Сами знаете, последние десятилетия наше правосудие не слишком обременяло себя соблюдением процессуальных норм. Будем подавать жалобы, процесс затянется, потом пойдут апелляции... В результате если не «оправдательный», то «за недоказанностью» гарантирую.

Адвокат умолк, так как Холезин его не слушал, а смотрел в одну точку и беззвучно шевелил губами.

– Вы хотите возразить мне? – осторожно проговорил Логвинов.

– Вы были в администрации?

– Да, встречался. Мы беседовали долго, но, к сожалению, их позиция неизменна. Мы договорились о еще одной встрече. Поэтому и не начал с этого разговор. Возможно...

– Если не удалось сразу, значит, и потом не удастся, – мрачно перебил олигарх. – Я по бизнесу знаю этот неписаный закон. Дмитрий Антонович, воспроизведите слово в слово, что вам сказали в Кремле.

– «Небольшой условный срок – в обмен на правильное поведение с его стороны. Но пока посидеть придется», – без запинки выдал цитату адвокат.

Холезин криво улыбнулся:

– Отдать им все, что у меня есть? И только потом они выпустят меня на волю!

– Почему вы говорите «все»? – искренне удивился адвокат. – Вы грамотно и вовремя подключили американских акционеров, уже на днях появится решение их окружного суда. Теперь заграничные активы никто не посмеет тронуть. Речь идет только о российской нефтедобыче, вот с ней придется расстаться.

– Отдать – значит признать поражение, – глаза Холезина сузились. – В свои годы я не собираюсь становиться пенсионером. Мой бизнес – это моя жизнь. Скажите честно – у меня есть шансы сохранить то, что принадлежит мне в России?

– При нынешней власти – нет ни единого! – без раздумий ответил адвокат, приложив руку к сердцу.

– При нынешней... – задумчиво проговорил Холезин, и его глаза недобро сверкнули.

– Вы же один из умнейших людей в мире. Величайший реалист. Да, вы сами и другие люди вашего круга создали сегодняшнюю власть. Но это не значит, что она будет подчиняться вам во всем и всегда. Наоборот, власть набирает силу, и тогда закономерно начинает уничтожать тех, кому обязана. Власть стремится к самодостаточности. Зачем ей посред-

ники? Те, кто это понял, или за границей, или подыгрывают Кремлю. Осталось и вам сделать выбор. Извините, но иначе нельзя. Закон жизни... или джунглей, как хотите называйте, но это закон. Нужен разумный компромисс...

Логвинов говорил и чувствовал, что его слова улетают в пустоту. Холезин смотрел мимо и нервно крутил в руках дешевую шариковую ручку.

– Я должен получить от вас указания, знать, как вести переговоры в дальнейшем, – помолвил адвокат.

– Проблема не в деньгах, не в имуществе, дело в принципах. Дмитрий Антонович, я обещаю еще раз обо всем этом подумать, можете так и передать им.

И это «им» прозвучало достаточно презрительно. Раньше олигарх себе таких интонаций по отношению к власти не позволял даже в узком кругу. Холезин, прикрыв ладонью край листа, написал несколько слов, тут же сложил бумагу и придвинул ее к адвокату, взгляд его говорил: «Посмотрите не сейчас – потом, но это очень важно».

За спиной у Логвинова уже остались недоумение от встречи, тюремные коридоры, выкрашенная синей краской стальная дверь, назойливые журналисты. Его пучеглазый «Мерседес» замер у светофора среди остановившегося потока машин на Ленинградском проспекте. Адвокат неторопливо развернул написанное Холезиным, пробежался взглядом. Ему часто приходилось по просьбе подзащитных передавать на волю короткие послания, но сегодняшнее было самым ко-

ротким в практике адвоката: электронный адрес на общедоступном «почтовике» и одно-единственное слово «да».

* * *

Мелодичная трель вкрадчиво прервала сон Тамары Белкиной. Ведущая еженедельной аналитической передачи «Резонанс» государственного телеканала тут же открыла глаза. Белоснежный, идеально ровный потолок простирался над ней. Трель повторилась.

– Будильник, – проворчала ведущая, сразу же вспомнив, где находится, и села на кровати.

Одеяло, сбитое ногами в валик, топорщилось у самой спинки кровати. Будильник, как оказалось, был ни при чем, он мирно подмигивал хозяйке жидкокристаллическим экраном, напоминая, что до его утренней трели остается еще пятнадцать минут.

Белкина сняла трубку телефона прежде, чем тот в третий раз напомнил о своем существовании.

– Тамара Викентьевна, доброе утро, – прошуршал в наушнике спокойный державный голос помощника президента, сразу же вспомнились вчерашний день, море и катер, на котором отрабатывали точки съемки для предстоящей рыбалки президента.

– Доброе, – даже после сна и выпитого вчера вина голос телеведущей звучал ровно и бодро.

– Напоминаю, что утренняя пробежка президента состоится по графику. План съемок утвержден. Сбор группы на крыльце гостевого дома через полтора часа.

– Я в курсе, помню.

– Извините за ранний звонок, но у нас так заведено. Плотный график. Еще раз доброе утро и до встречи, – трубку повесили прежде, чем Белкина успела ответить.

– Уроды, – пробурчала она, опуская босые ноги на прохладный паркет.

Тамара ненавидела, когда ее будили насильно. Годы работы на телевидении создали в ее организме биологический безотказный будильник. Он никогда не давал сбоя. В любом состоянии, в любую погоду Белкина просыпалась в положенное время. Внутренние часы были способны работать и как таймер с обратным отсчетом – сидя «в кадре», ведущая могла с точностью до пяти секунд сказать, сколько времени прямого эфира уже прошло и сколько осталось до конца передачи. Электронный будильник, который она всегда возила с собой в командировки, был лишь подстраховкой «на случай».

Прямо за окном ее комнаты покачивался растопыренной пятерней лист пальмы, за ним синело море с грозным силуэтом военного корабля на горизонте. Из номера он казался куда более солидным, чем вчера – вблизи, когда Белкина вместе с оператором плавала на катере, отбирая точки для сегодняшней съемки рыбалки главы государства. Окно и вид из него показались Белкиной телеэкраном, заставкой к оче-

редной передаче.

Мерно шелестел воздух, вытекая из решетки кондиционера, было жарко, но Тамара так и не смогла найти регулятор. – Сволочи. – Ведущая выключила взведенный будильник.

Всех, кто не входил в съемочную группу, Белкина традиционно разделяла на три категории: уроды, сволочи и герои передачи.

Тамара предпочитала спать обнаженной, словно пыталась по максимуму сбросить на ночь свой экранный образ, примелькавший зрителям. Она переступила порог душевой кабинки и, зажмурив глаза, сдвинула рычаг смесителя. Но вместо ледяного ливня на нее посыпался просто прохладный дождик, от которого даже не стало свежее. Это было еще одним из разочарований, до этого ей казалось, что все в резиденции президента должно быть «суперным», и даже кран обязан сам угадывать желания того, кто его открывает.

Гудел фен, под фигурной расческой тонкие волосы Тамары приобрели объем, плавными пружинистыми изгибами за-сверкали в свете ярких лампочек, укрепленных по периметру зеркала.

– Хороша, чертовка, но алкоголь тебя до добра не доведет, – Белкина извлекла из холодильника два кубика льда и приложила их к слегка набухшим векам.

Уже одевшись в строгий летний костюм, она принялась крашивать глаза, делала это осторожно, чтобы не переборщить с косметикой. Ведущая политической передачи не име-

ла права выглядеть размазанной уличной девкой, но и занудой-училкой ей быть не полагалось. Выдержать этот тонкий баланс – целое искусство, которому невозможно научить любителя, тут дело в нюансах, доступных только профессионалам. Можно отлично выглядеть в зеркале, но потом выяснится, что в кадре – совсем другая картинка. Слегка подведенные тенями глазницы могут оказаться на экране двумя ужасными фингалами.

В студии Тамаре не приходилось самой заниматься макияжем, визажист старался. Но в «дальнем походе» пришлось обходиться без него. Заместитель начальника охраны главы государства урезал съемочную группу до минимума – режиссер, ведущая, оператор и видеоинженер. Даже от своего шофера пришлось отказаться. Поэтому из разряда «сволочей» замначальника и перекочевал по классификации Белкиной в разряд «уродов конченных», хотя она его и в глаза не видела.

– Ладно, вскрытие покажет, какая у меня внешность, – вздохнула Тамара, закрывая чемоданчик с косметикой.

На крыльце уже курили ее коллеги. Режиссер вырядился в светлый льняной костюм, из кармашка пиджака торчал сложенный легкомысленным треугольником носовой платок. Видеоинженер натянул на себя все черное, как на похороны. Бородатый оператор в джинсах, в защитной жилетке с множеством карманчиков и с повязанным на голове пиратским платком подозрительно напоминал теперь боевика-ваххабита. Сходство усиливал широкий кожаный пояс с

укрепленными на нем запасными аккумуляторами для камеры. От всех троих мужчин нестерпимо сочно пахло одеколоном, даже субтропические ароматы президентского парка не могли заглушить эти резкие запахи цивилизации.

– Если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно, – патетически приветствовал появление Тамары режиссер.

Оператор хитро улыбнулся и поправил свой аккумуляторный «пояс шахида»:

– Мы пока тут с Федоровичем балакали, я анонс для твоей будущей передачи про Холезина придумал: «Одна звезда гасит другую».

– От звездюка и слышу, – Белкина аккуратно, чтобы не смазать губы, вставила в рот тонкую сигаретку, щелкнула зажигалкой.

– Ухо блестит. – Оператор вытащил из кармашка в жилетке пудреницу и тампоном припорошил Белкиной мочку, – теперь порядок. Но лучше прикрой уши волосами, они у тебя в контровом свете будут гореть, как фотографические фонари. Солнце при восходе иногда дает такие эффекты.

Тамара осмотрелась, по всей территории искрились брызги – распыскиватели поливали газон.

– А где эти... уроды и сволочи?

– Тише, – просвистел режиссер, – охрана здесь прячется за каждым кустом. Витя пять минут тому назад в кусты пошел, а там...

– А зачем было в кусты ходить? – резонно поинтересова-

лась Белкина, листовая бумажки с набросками своего текста.

– Так, простое человеческое любопытство, – отозвался оператор.

Видеоинженер, как обычно, молчал. Тамара подозревала, что никакой он на самом деле не специалист-электронщик, а «комитетчик», на постоянно приставленный к группе ФСО.

В конце аллеи показался президентский помощник, в чьи обязанности входило обеспечить съемки телесюжета. Одет он был соответственно должности: черные брюки, рубашка с коротким рукавом, шею стягивал неброский галстук. Он шел по гравию дорожки так, словно ступал по ковру – абсолютно беззвучно. Казалось, он занимает в пространстве вдвое меньше места, чем обычный человек. Такие люди даже под дождем умудряются оставаться сухими – лавируют между капельками.

– Еще раз доброе утро, – поприветствовал он группу бесцветным голосом. – Все в сборе! Тогда, прошу!

Телевизионщики побросали сигареты в блестящую пепельницу на тонкой высокой ножке и двинулись вслед за помощником.

– Какие-нибудь просьбы, пожелания насчет быта? – проговорил помощник на ходу.

– Раз уж тут нет магазина, – хрипло напомнил оператор, вспомнив, что все спиртное в его холодильнике выпили вчера вечером, – то хотелось бы...

– Составьте список на имя коменданта и передайте его

горничной. В разумных пределах, конечно.

И не успел никто поинтересоваться, что такое «разумные пределы» в местном понимании, как помощник вскинул к уху рацию.

– Да... понял... мы на подходе к точке...

Разбрызгиватели поливочной системы смолкли, подчинясь воле невидимого садовника. Радужное водяное марево еще с секунду повисело в воздухе и растворилось в свете восходящего солнца. Съёмочная группа ступила на мокрую траву.

Яркий, сочный ухоженный газон казался ненастоящим – пластиковым. Оператор даже присел на корточки, подергал травку:

– Коротко подстрижена, прямо, как бандитский затылок.

Помощник сдержанно улыбнулся и раскрыл папку.

– В вашем распоряжении десять минут для съёмки. Маршрут пробежки президента скорректирован в соответствии с вашими пожеланиями.

– Он будет с собакой? – не выдержав, вставил режиссер.

– Нет, это собака будет с ним, – с каменным лицом уточнил помощник. – Но есть и изменения. Поставлены обязательные условия съёмки.

Слово «изменения» режиссер ненавидел всей душой. В другой бы ситуации он взорвался, принялся бы качать права. Мол, ничего менять он не собирается, а если нужно, то позвонит в вышестоящие инстанции... Но здесь, в Бочкаревом

Потоке, был только один хозяин, который решал все, он же самая вышестоящая инстанция.

– Президент просил вас снимать только с этого места, – помощник указал на центр полянки, – и не приближаться к беговой дорожке. Он не хочет, чтобы ему мешали сосредоточиться. Пробежка один из немногих моментов, когда президент предоставлен самому себе.

– А как же «крупняки»? Я его лицо отсюда даже телевизором толком не вытяну, – пробурчал оператор. – Потом получится, будто мы папарацци какие-то – тайком его снимали.

– Господа! Или так, или съемка пробежки отменяется, – развел руками помощник, давая понять, что подобным образом решил «сам».

«Умеет же, – не без зависти отметила про себя Белкина. – Слово „господа“ произнес абсолютно натурально. А даже у меня оно всегда звучит фальшиво. Наверно, каждый день по несколько часов тренируется».

– Ничего страшного, – смирился режиссер, – будем снимать с одной точки, издалека, без «крупняков». Главное, что собака в кадр попадет. Она как – на охрану не лает, не агрессивная?

– Всех сотрудников резиденции она воспринимает нейтрально. У вас на подготовку осталось пятнадцать минут. Я предупрежу о выходе президента за тридцать секунд, – и помощник отошел в сторону.

– Придется тебя на передний план ставить, – оператор на-

цепил Белкиной на лацкан пиджака микрофон-клипсу.

– А если сболтнет чего не то, или слово перевернет? – засомневался режиссер, – потом ее из кадра не выбросишь. Пусть лучше в сторонке постоит, а за кадром после своим голосом и озвучит.

– А что у меня на переднем плане будет? – возмутился оператор. – Голая задница?

– За искусством не гонись, наш материал должен быть в первую очередь идеологически выдержан. Все остальное вторично, – режиссер вздохнул. – Думаешь, я тебя не понимаю? И мне хочется как лучше.

– Ладно, и я все понимаю. Тома, давай баланс по свету выставлять.

Белкина расстегнула пиджак, открыв грудь, затянутую в белоснежную блузку. Оператор выставил по ней баланс по свету, отрегулировал микрофон.

– Порядок, можно снимать.

– Значит, так, – оживился режиссер. – Сделаем компромиссный вариант. Тома, сначала ты скажешь на камеру крупным планом, а после этого ты, Витя, уйдешь изображением на крыльцо дома. Когда президент выбежит, Тамара повернется, будто за ним наблюдает. И пусть говорит тогда, что хочет, все равно в кадре только ее спина и затылок будут, потом, если что, другой звук наложим.

– Не маленькие, не первый год в шоу-бизнесе, – Тамара стала метрах в семи от камеры.

Оператор поднял большой палец: мол, все отлично. Белкина усиленно пошевелила накрашенными губами, размяла рот. Режиссер замер, боясь спугнуть удачу. Помощник президента нервно посматривал на рацию, наконец та ожила.

– Готовность – тридцать секунд, – тут же вымолвил он.

– Начали, – интимно шепнул режиссер, проникшись торжественностью момента.

Чуть слышно загудела камера. То, что изобразили губы Белкиной после усиленной разминки, принято называть улыбкой Джоконды – загадочной и неуловимой. Глубоким грудным голосом ведущая не произнесла, а именно выдохнула:

– Я волнуюсь...

Режиссеру на мгновение показалось, что Белкина говорит это не будущим телезрителям, а ему, но он не позволил себе усомниться в ее профессионализме, и выбросил два пальца, что означало – до выхода президента осталось двадцать секунд.

– Да, я волнуюсь. Ведь в этом месте самые обыденные вещи приобретают особый смысл. Например, восход солнца. Вспомните, когда последний раз вы видели его отблески в росистой траве? А человек, которого знает вся страна, на рассвете...

На лице оператора появилась циничная улыбка. Его полотняные туфли были мокрыми насквозь от залитой опрыскивателями травы. Режиссер беззвучно произнес:

– Вот сука... лишь бы не перебрала... – и показал один палец, что означало «десять секунд до выхода».

– ...каждое утро на рассвете открывается эта дверь...

Оператор медленно перевел камеру на крыльцо. Дверь отворилась, по ступенькам на траву сбежала жизнерадостная собака.

«Лишь бы не подняла лапу прямо здесь», – взмолились в душе и оператор, и режиссер.

Но пронесло – не подняла.

Двое телохранителей бежали впереди президента, двое – сзади. Среди рослых широкоплечих мужчин фигура главы государства смотрелась не слишком внушительно, но именно это обстоятельство и придавало ему нужную долю человечности. Он даже не повернул голову в сторону камеры. Глаза бегущего прикрывали солнцезащитные очки. Собака весело носилась, то забегая вперед, то откатываясь назад.

«У него лоб блестит, – чисто машинально отметил оператор, – неужели никто не заметил? Или побоялись сказать? Надо будет предупредить перед съемкой рыбалки. Припудрить».

– Глава государства, – голос Белкиной уже потерял интимные нотки, – большое внимание уделяет спорту. В здоровом теле – здоровый дух. Молодому поколению есть, с кого брать пример... Мы решили не мешать этой утренней пробежке, снять ее издалека...

Телохранители и их подопечный добежали до поворота.

Режиссер жестом дал знать Белкиной, что она скоро выйдет из кадра, а потому может и помолчать. Он уже знал, что дальше, в будущем фильме, будет звучать музыка, президент, собака и телохранители пробегут возле фонтана и растворятся в лучах восходящего солнца под серебристые звуки трубы.

Но этого не случилось. Внезапно самый охраняемый в стране человек дернулся, запрокинув голову, сделал еще несколько шагов и замер. На его лбу проявилась рваная кровавая рана, и он тяжело рухнул на дорожку, даже не выставив перед собой руки.

Телохранители мгновенно прикрыли его собой, они сидели плечо к плечу и водили стволами мгновенно появившихся пистолетов. Наверняка не могли определить, откуда стреляли.

– Человека убили!!! Уроды!!! – завизжала Тамара, присела и вцепилась пальцами себе в волосы.

Раздался какой-то странный звук, словно хлыст рассек воздух. Один из телохранителей взмахнул руками и опрокинулся. Из простреленной головы потекла кровь.

Режиссер бросился на траву ничком, видеоинженер уже сидел, скорчившись под деревом. Белкина визжала. Лишь оператор мужественно не покидал пост, продолжал снимать. Он не выключил камеру, даже когда увидел приближающегося к нему телохранителя. Широкая ладонь закрыла объектив, щелкнула крышка, и видеокассета оказалась в руке телохранителя.

– В дом! Бегом! – крик был таким грозным, что послушаться было невозможно.

Белкину и всех ее коллег бесцеремонно затолкнули в холл гостевого дома. Оператор держал в руках камеру и лепетал:

– Кассета, кассета... отдайте...

– Мобильники! – прозвучал приказ.

Двое рослых телохранителей не стали дожидаться, пока растерявшиеся журналисты сами расстанутся со средствами связи. После короткого обыска на столе уже лежали четыре мобильного и одна спутниковая трубка. Две горничные перетряхивали багаж съемочной группы.

– Это все телефоны, больше у нас нет, – произнес режиссер, – можно не искать, – и сразу же побледнел, понял, что искать могут не только телефоны.

Горничные сдали своим коллегам по службе в резиденции и обычные телефонные аппараты из всех номеров.

– Разойтись по комнатам, жалюзи не открывать, к окнам не подходить!

Журналистов рассовали по номерам. Щелкнули, провернулись в замках ключи.

* * *

Уже через два часа после выстрелов вся территория в радиусе трех километров от резиденции была оцеплена внутренними войсками. Ни солдаты, ни их командиры не зна-

ли, что произошло. Им была поставлена задача – без специальных пропусков никого не впускать и никого не выпускать. Военные, конечно, пытались сами домыслить, по какому поводу выставлено плотное оцепление. Но самым смелым предположением было, что кто-то попытался проникнуть на охраняемую территорию, и его теперь разыскивает в близлежащих горах президентская охрана.

Редкий лиственный лес молчал. Птицы, напуганные появлением большого количества людей и собак, разлетелись. Шуршала прошлогодняя листва под военными ботинками и сапогами. С хрустом втыкались в землю металлические штыри-щупы. По склону горы растянулась цепь людей в камуфляже. Впереди них двигались саперы с миноискателями.

Ротвейлеры на коротких поводках нюхали землю и грозно рычали. Поиски велись уже третий час, но ни оружия, ни даже огневой позиции пока еще не обнаружили. По расчетам специалистов, два выстрела были произведены именно с этого склона из одного и того же оружия. Продвигались медленно, боясь оставить необследованным даже маленький кусочек земли.

– Есть! – громко выкрикнул один из поисковиков, когда его щуп легко прошел сантиметров семьдесят прелой листвы и звонко ударился в металл.

Уже прошедший этот участок кинолог с ротвейлером оглянулся. Полминуты назад его пес не учуял на этом месте ничего подозрительного. Поиски на время остановили и

осторожно, слой за слоем принялись снимать сухие листья.

– Теперь понятно, почему он не отреагировал, – с легким успокоением в голосе произнес кинолог, – листья пересыпали сухим коровьим навозом. Вот и не учуял металл.

В естественного происхождения ложбинке покоилась снайперская винтовка, завернутая в брезент. Криминалист-оружейник в белых нитяных перчатках приподнял оружие и заглянул в ствол.

– Из нее не стреляли, – уверенно заявил он. – В стволе оружейная смазка и магазин полный. Первый раз такую конструкцию встречаю. – Оружейник придирчиво разглядывал модернизированную винтовку с неестественно длинным стволом. – Отсюда до места попадания – чуть меньше двух километров. Сделана из серийной, на спецзаказ, скорее всего, в Бельгии. Такая штучка бешеных денег стоит.

Стало понятно, что обнаружена запасная «закладка», которой снайпер не воспользовался. Чуть меньше часа ушло на то, чтобы отыскать настоящую огневую позицию. Она была замаскирована в спешке, такие же прелые листья, тот же сухой навоз. В магазине винтовки на этот раз не хватало двух патронов, а в стволе обнаружился налет пороховой гари.

Тут же попытались пустить собак по следу. Но собаки лишь крутились возле углубления.

– Не по воздуху же он отсюда улетел! – Криминалист, сидя на корточках, изучал землю.

– Собак сбить со следа легко, – вздохнул кинолог, – рань-

ше махорку рассыпали, она на время нюх отбивает, а теперь химики всяких спреев напридумывали. Ничего не увидишь, пока химический анализ не сделают.

– Я не о запахе. На земле остались два отпечатка ботинка, а потом след обрывается, дальше никто не шел.

– Быть этого не может.

– Но так оно и есть. Его перемещение не засекли ни датчики, ни камеры.

Поиски нельзя было назвать удачными. То, что снайпер оставил оружие, было в порядке вещей, профессионалы всегда так поступают. А то, каким образом убийца умудрился миновать датчики с камерами, попасть на охраняемую территорию, сделать несколько закладок, дважды выстрелить в цель и уйти незамеченным, оставалось загадкой.

Глава 3

Как и всякий родившийся в СССР человек, Клим Бондарев безошибочно чувствовал, если в стране случалось что-то из ряда вон выходящее. В новостях дикторы могли обходить случившееся молчанием, газеты не упоминать о нем и словом, но сама атмосфера выпусков становилась другой. Угадывалось и ощущалось не по тому, что говорили, а по тому, о чем молчали. Вчера он посмотрел российские новости и перемен в стране не уловил.

Ранним утром Бондарев включил на кухне приемник и принялся варить кофе. Передачи FM станций никогда не звучали в его доме.

Если хочешь слушать музыку, то поставь запись – именно такого принципа придерживался хозяин дома. Старый двухкассетник-магнитола висился на холодильнике, от самого появления в доме он был настроен на одну-единственную волну – радио «Свобода».

«Чтобы знать правду о том, что происходит на Западе, надо слушать российские станции. А если хочешь знать правду о России, слушай Запад», – не раз повторял Клим друзьям и знакомым.

Тон передачи насторожил его не больше, чем гудение кофемолки, одну и ту же тему перемалывали последний месяц все, кто считал себя специалистом в области российской

внутренней политики. Ведущий и гости круглого стола на все лады склоняли фамилию Холезин, название его нефтяной империи «Лукос» и имя-отчество действующего президента. Выискивали резоны власти поступить с олигархом именно таким образом. Круглый стол окончился на ехидно-оптимистической ноте адвоката Логвинова:

– Я не пессимист. Все-таки наша страна за годы правления действующего президента значительно продвинулась в сторону демократии. Если раньше при переделе собственности по большей части владельцев отстреливали, то теперь их стали сажать в тюрьмы.

Кофе на этот раз Бондареву не удался. То ли зерна плохо прожарил, то ли заслушался радио и передержал напиток на огне. Раскрыв стенной шкаф, Клим выбрал один из многочисленных спиннингов, надел выдавшую виды куртку. Мобильник брать не стал, все равно во время рыбалки Клим Владимирович принципиально не отвечал на звонки, от кого бы они ни исходили.

Бондарев подмигнул мальчишке-президенту на фотографии:

– Небось ты сейчас на море и тоже с удочкой!

И вышел из дома.

Безоблачное небо синело сквозь кроны вековых деревьев парка в Коломенском. Клим прошел мимо жестяного стенда, извещавшего, что именно на этом месте в семнадцатом веке располагалась загородная резиденция царя Алексея Михай-

ловича. В отдалении белели стены древних храмов.

Когда живешь рядом с памятниками архитектуры, в исторических местах, то перестаешь их замечать. Они становятся такими же привычными и безликими, как и железобетонные коробки. Клим в здешних исторических местах манила река и ничего больше.

Двое рыбаков уже расположились на берегу. Дымились сигаретки, покачивались поплавки. Мужчины сосредоточенно смотрели на них, словно пытались заставить взглядом уйти под воду. Бондарев поприветствовал рыбаков взмахом руки. Виделись они здесь довольно часто, но никогда ни о чем, кроме рыбалки, не заговаривали. Понять, что эти любители рыбалки принадлежат к разным слоям общества, можно было только по часам на запястьях: дешевые электронные и массивные в платиновом корпусе. Все остальное одинаково потрепано, даже снасти местами покрывала абсолютно демократичная синяя изолента.

Для себя Клим уже давно решил, что обладатель электронных часов – занимает имущественную нишу между строительным мастером и школьным учителем. Во всяком случае, с удочкой он появлялся или самым ранним утром, или в выходные. А платиновые «котлы» могли принадлежать бандиту, ушедшему в средний бизнес: ловил он без всякого графика, но иногда исчезал на неделю и больше. Судя по уважительным репликам, эти мужики скорее всего считали Бондарева университетским преподавателем. Хотя какая разни-

ца, кто и чем занимается в свободное от рыбалки время?

Свистнула в воздухе блесна, затрещала катушка. Клим прекрасно знал это место, выучил его досконально. Если бы понадобилось, по памяти отметил на карте все подводные препятствия – от коряг до отмелей. Леска натянулась, блесна резала воду. Бондарев забрасывал раз за разом, особо не надеясь на удачу.

Обладатель платиновых котлов вытащил из кармана плоскую фляжку, коротко приложился к горлышку, затем жестом предложил глотнуть стоявшему в отдалении Климу и соседу справа. Оба отрицательно покачали головами. Этот ритуал повторялся с завидной регулярностью раз от разу. Не то чтобы рыбаки не пили вообще, вечером можно было бы и глотнуть, но тогда бы каждый пил принесенное с собой.

Когда вновь просвистела и бултыхнулась блесна, Бондарев услышал странный в этих местах звук – приближающийся гул автомобильного двигателя. В парке могла оказаться грузовая машина – собирали опавшую листву или вывозили мусор, но чуткое ухо бывшего разведчика различало нюансы, недоступные другим. Блесна мелькнула у самого берега, Клим поднял удилище. Марку машины он определил точно – на верху откоса наконец возник угловатый «Мерседес-Гелендваген».

Высокий представительный мужчина в длинном темном плаще ловко спустился по тропинке.

– Клим Владимирович, – серые глаза заместителя началь-

ника охраны президента смотрели на Бондарева слишком спокойно, чтобы это спокойствие могло быть искренним. – Извините, что потревожил.

– Как я понял, еще раз забросить спиннинг я не успею, – Бондарев сложил телескопическое удилище, опустил его в брезентовый чехол.

Дежурная улыбка тронула пересохшие губы полковника Сигова.

– Прошу в машину.

Мужчины поднялись к черному внедорожнику. Заместитель начальника приехал один, без шофера, сразу же сел за руль, а не на заднее сиденье. В салоне пахло ароматизатором, чувствовалось, что здесь курить не принято.

– Закуривайте, если хотите, – предложил Сигов, знавший одну из слабостей Бондарева, – ваш друг хотел срочно с вами посоветоваться.

– В таких случаях он звонит мне сам, – Клим Владимирович выдвинул пепельницу, щелкнул зажигалкой.

Клим был уверен, что сейчас полковник подаст ему трубку спецсвязи, но Сигов вяло улыбнулся.

– Мне поручено немедленно доставить вас к нему.

– Он в Москве?

– Нет – в Бочкаревом Потоке.

Машина дала задний ход, развернулась и покатила к выезду из парка. Ворота, которые на памяти Бондарева открывались только в дни народных гуляний, были нараспашку.

– У вас десять минут на то, чтобы переодеться и собраться. Багаж минимальный, максимум – спортивная сумка, – произнес полковник, останавливаясь у дома.

Расспрашивать было бесполезно. В спецслужбах принято сообщать только то, что положено знать. Бондарев, уже переодевшись, пролистал справочник, ближайший авиарейс на Сочи был через четыре часа.

Машина мчалась по городу с включенной мигалкой, и только на шоссе Сигов выключил ее.

– Когда вы последний раз летали на истребителе? – поинтересовался полковник, сворачивая под щит с грозной надписью «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН. ОХРАНЯЕМАЯ ЗОНА».

– За штурвалом самолета я сидел последний раз три года тому назад. Но это был безобидный «кукурузник».

– Я имею в виду учебный истребитель «Су-27» – «двойку». Вы – в качестве пассажира.

– А что, у меня есть возможность выбрать другую модель? – пожал плечами Клим Владимирович.

Угловатый «Гелендваген» лишь притормозил у КПП подмосковной авиабазы, дожидаясь, когда отъедет в сторону створка ворот.

На командном пункте Бондареву помогли облачиться в летный костюм. Истребитель уже стоял в начале взлетной полосы. Клим взобрался по металлической лесенке. Пилот в блестящем шлеме только кивнул ему, продолжая общаться по рации с руководителем полетов.

Плексигласовый фонарь медленно опустился, буквально присосался к фюзеляжу. Полковник Сигов махнул рукой и отогнал машину. Бондарев вслушивался в радиальные переговоры, звучавшие и в его наушниках. Двигатели ожили.

– ...взлет разрешаю... – донеслось до его слуха.

Истребитель уже содрогался, двигатели требовали простора, а потом рванул вперед. Бондарева буквально припечатало к спинке кресла. Спасал только пневматический костюм, распределявший нагрузку ускорения по всему телу. Бетон, трава смазались в три полосы – две зеленые и серую. Отчетливо можно было рассмотреть только то, что находилось вдалеке: казавшиеся средних размеров консервными банками емкости с топливом, коробки зданий, выстроившиеся в цепочку машины.

Нос самолета задрался, тряска прекратилась. Земля стремительно удалялась. Пробив облака, истребитель вырвался к солнцу, завалился на крыло, заложил полукруг и выровнялся.

– Как прошел взлет? – раздался в наушниках Клина голос пилота.

– В программу полета включены фигуры высшего пилотажа?

– Мне приказано доставить вас живым и здоровым, – хохотнул пилот. – Но так же приказано по возможности учитывать и ваши просьбы. С какой начнем?

– Хотелось бы подумать.

– К сожалению, на борту нет буфета, и предложить вам кофе не могу. Когда будем переходить сверхзвуковой барьер, я вас предупрежу.

* * *

Тишина бывает разной. Полной, бездушной, как в вакууме или в могиле, и гнетущей, наполненной тревожным ожиданием худшего – в гостевом домике Бочкарева Потока царила именно такая тишина. Было слышно, как за плотно закрытыми жалюзи бьется муха: то в планки, то в оконное стекло.

Тамара Белкина сидела на кровати перед мерцающим экраном телевизора, звук она выключила. Сменялись картинки, но и без слов было понятно, что мир не знает о произошедшем. Впервые за последние годы ведущей «Резонанса» абсолютно нечего было делать. С выстрелами в парке для нее остановился конвейер новостей, у которого она стояла. Как журналистке, ей хотелось крикнуть на весь мир: «Убили!» Но какой смысл кричать, если тебя не услышат? Клипса микрофона все еще украшала лацкан ее светлого пиджака, но теперь за коротким отростком его антенны не было ни камеры, ни огромной машины, называемой телевидением. Кричи не кричи – результат один, только сама и услышишь свой голос.

– Уроды, – убежденно произнесла Белкина, – такую горя-

чую новость на корне губят.

За дверью иногда раздавались приглушенные ковровой дорожкой шаги то ли охранника, то ли горничной. Ходили осторожно, как ночные нарушители режима в больнице.

– Эй! – Сквозь двери и перегородки до слуха Белкиной долетел зычный голос оператора.

Ему никто не ответил, лишь поскрипывал паркет.

– Эй, православные! – На этот раз оператор забарабанил кулаком в дверь своего номера. – Выпустите!

– Зачем? – вполне резонно поинтересовалась горничная.

«Неужели Виктор не понимает, что говорить с ней бесполезно. Она такая же горничная, как я архимандрит. Тут даже последняя ложка мойки на кухне, и та в звании старшего лейтенанта ФСО. Без приказа ни шагу не сделает».

Белкина все же подобралась к двери, чтобы лучше слышать.

– Раз уж тут нет магазина... – пробасил оператор привычный аргумент, – то мне ваш начальник обещал, что доставят.

– Что именно доставят?

– Хороший мужик был. Помянуть его надо. Не по-человечески получается.

Шаги горничной уже отдалялись от двери оператора, и он не выдержал:

– Да я сейчас дверь высажу!

Белкина, как телеведущая, понимала в психологии больше, чем оператор. Она дождалась, когда горничная прибли-

зится, и трижды постучала в свою дверь зажигалкой, так, словно подавала условный знак.

– Простите! Можно вас на одну секундочку, – сказала и припала ухом к двери.

После недолгого колебания решение по ту сторону двери было принято – ключ в замке провернулся, горничная заглянула в номер.

– Да?

– У вас найдется пара сигарет и что-нибудь от головной боли? – Белкина приложила ладонь ко лбу и состроила страдальческую мину.

– Минутку.

Не успела горничная закрыть дверь, как Тамара отошла к кровати, показывая – она и не претендует на то, чтобы покинуть номер. Оператор продолжал стучать с методичностью оголодавшего дятла. Высаживать дверь он не собирался, но удары звучали довольно грозно.

– Значит, ей можно, а мне нельзя?!

– Витя, как тебе не стыдно?! – отозвался из своего номера режиссер. – Угомонись!

– И в самом деле, заткнись! – крикнула Белкина. – Не стучи, и так голова болит.

– А я все равно буду! Я свои права знаю. А они права не имеют...

Горничная принесла пяток сигарет в горсти, пару таблеток, бутылку минералки и пожаловалась:

– А он настырный. Тяжело с ним работать?

– На телевидении вообще тяжело работать. Мне кажется, – тут Белкина перешла на доверительный шепот, – лучше принести ему выпить. Заснет и успокоится.

– Буйным не станет?

– Не должен. Он человек хоть и скандальный, но ответственный. К тому же ситуация такая... неординарная. Ему кажется, что про нас просто забыли.

– Насчет выпивки я не могу решить сама. Надо получить разрешение, – горничная прикрыла дверь, щелкнул замок.

Тамара Белкина даже не стала проверять, что за таблетки ей принесли, просто проглотила их и стала ждать результата. Спазмы в висках прошли довольно скоро. Телевизор мерцал в углу, никто и не собирался прерывать эстрадный концерт экстренным выпуском новостей.

Минут через десять оператор крикнул:

– Ну и черт с вами! – Стук прекратился, вновь самым громким звуком в доме стало жужжание мухи.

Но так продолжалось недолго. Один за другим повернулись в замках ключи, отворились двери номеров:

– Прошу обедать, вам накрыто в каминном зале, – произнесла горничная. – Можете свободно передвигаться по всему дому, но на улицу пока выходить запрещено.

Белкиной даже показалось, что та ей подмигнула: мол, в самом деле о журналистах забыли, но стоило напомнить руководству, как «вышло послабление».

– Извиниться за свое поведение не хочешь? – Тамара шла рядом с оператором.

– Пусть они передо мной извиняются.

Режиссер держался с достоинством, шагал широко, здоров нос, будто это благодаря его усилиям пленникам позволили выбраться из номеров. Видеоинженер жался к стенам, казалось, что ему хочется стать совсем маленьким или вовсе испариться.

– Вот такое извинение я принимаю, – воодушевился оператор, когда увидел накрытый стол. – Небогато, зато духовно.

На белоснежной скатерти стояли супница, холодные закуски, фрукты, две бутылки водки, одна коньяка и приборы. Было еще и сухое вино, но профессиональный глаз мастера телекамеры выхватил из всего многообразия только крепкие напитки. Режиссер отодвинул стул, жестом пригласил Тамару сесть. Оператор уже разливал водку.

– Ты бы даму спросил. Может, Тома вино будет, а я коньяк? – режиссер разложил на коленях льняную салфетку.

– Поминать нужно только водкой, христианская традиция, – безапелляционно заявил Виктор. – Хороший мужик был.

– Может, и не убили, а только ранили? – осторожно вставил звукооператор.

– Ага... я сразу трансфлакатором на него «наехал». Крупность дал по максимуму. Кадр хоть и дрожит, но в такой си-

туации это только на пользу – зритель нерв чувствует. Дырка в голове – палец засунуть можно. Мало я, что ли, трупов в своей жизни наснимал? Живое от мертвого отличить сумею. Земля ему пухом, – оператор опрокинул рюмку в широко раскрытый рот.

Поколебавшись, другие последовали его примеру.

– Ты ж не сильно его любил, да и на выборы не ходил, – напомнила Белкина, накладывая на тарелку черные маслины.

– А чего ходить, если и так все ясно. Но плохого человека убивать не станут, значит, стал поперек горла какой-то сволочи. Охранника жалко. Я понимаю, что работа у него такая, но мог бы парень и жить, – оператор уже держал у губ вторую рюмку. – И ему – пухом.

– К черту. Пока никого еще не похоронили. Про землю и пух только на поминках после кладбища говорить принято, – отозвался режиссер, но рюмку, тем не менее, выпил.

Белкина лишь слегка смочила в водке губы.

– Такие кадры пропали, – закручинился оператор и подпер голову рукой. – Их бы сейчас по всем телеканалам мира показывали.

– Еще и наши покажут. Шило в мешке долго не утаишь, – подбодрил коллегу режиссер. – Ты Белкину, когда она кричала, снял?

– Обижаешь, Федорович! Нельзя же заканчивать «картинку» убитым. Эмоция зрителя должна выход найти. Я снимаю

и лихорадочно прикидываю: на кого в финал выйти, кем кончить – или Белкиной, или собакой?

– Собака в финале – тоже неплохо смотрелось бы, – мечтательно согласился режиссер.

– Но черная сука неправильно себя повела, прятаться за дерево побежала. Нет чтобы, как положено, возле хозяина сесть и одиноким волком завывать! А ты, Тома, молодец. От твоего визга – до сих пор мороз по коже.

– Да, – согласился режиссер, – ты, Белкина, профессионал высшей пробы, таких, как ты, теперь уже «не делают». Любой мужик на твоём месте в кадре матом выругался бы, гарантирую, как профессионал. А ты гениально крикнула, с душой: «Человека убили!» Не президента, не главу государства, а человека! И после этого бездушная ладонь телохранителя закрывает объектив – все погружается во мрак. Символ!

– Чего уж тут... – Белкина прикрыла свою рюмку ладонью. – Обидно, что этих кадров никто не увидит. Не отдадут их нам. А даже такая новость через месяц-другой устареет.

– Вот-вот. – Оператор хотел налить себе, но заметил, что другие взяли паузу. – Возможность сделать новость мирового масштаба журналисту один раз в жизни предоставляется. А нас ее лишили. Не прославимся мы.

– Ты не прав. Есть золотой фонд. Джона Кеннеди сорок лет тому назад в Далласе грохнули, а до сих пор крутят. Там любитель снимал, а тут... могут кассету никогда и не отдать.

– А если... – Белкина понизила голос, – попытаться передать информацию во внешний мир.

Режиссер тут же приложил палец к губам и обвел каминный зал красноречивым взглядом. Мол, здесь все четыре стены имеют уши.

– Нечего об этом и думать, – громко произнес он и подмигнул.

Видеоинженер сложил ладони «биноклем», намекая, что стены могут иметь не только уши, но и глаза.

– Что ж, не прославимся, так не прославимся, – изобразила смирение Белкина. – Я их понимаю. Пока не решат, кто будет преемником, о покушении народу не сообщат. Будем ждать.

Дверь беззвучно отворилась, на пороге возник помощник президента, лицо его выражало чиновничью скорбь.

– Мы что-то не то говорим? – оператор пригладил бороду. Помощник пропустил это крамольное замечание мимо ушей.

– Вы просматривали отснятый материал?

– У нас забрали последнюю кассету.

– Вчера вы успели снять не менее половины запланированного, – голос помощника звучал твердо.

– Материал неплохой, – вздохнул режиссер, – но теперь его придется давать в другой интерпретации. Так сказать, в свете последних событий.

Помощник сузил глаза:

– Принято решение, что документальный фильм «Один день с президентом» должен выйти в эфир точно по графику. И никаких других интерпретаций. Строго придерживайтесь уже утвержденного сценария.

– А можно узнать, кем это принято решение? – поинтересовался оператор.

Помощник округлил глаза: мол, такие вопросы задавать не следует.

– Мы должны создать видимость того, что он жив? – первой сообразила Белкина.

Помощник одарил ведущую сдержанной улыбкой:

– Вы должны сделать свою работу. Только и всего. Есть другие пожелания?

– Вообще-то мы подписывались снять и смонтировать сугубо мирный курортный сюжет, а не делать репортаж из горячей точки, – вставил режиссер.

– Вопросы дополнительной оплаты решите потом со своим руководством, – помощник сразу сообразил, куда клонится разговор, – а мы посодействуем. Безопасность во время дальнейшей работы мы вам гарантируем.

– У нас нет монтажной компьютерной станции, необходимо доснять некоторые подводки ведущей, переписать сценарий. В конце концов, послезавтра мы должны вернуться в Москву.

– Я уже позвонил вашему руководству, – бесстрастно сообщил помощник, – объяснил гендиректору, что президент

пригласил вас провести следующую неделю в охотничьем хозяйстве, принадлежащем управлением делами. Пообещал от вашего имени, что готовый телесюжет будет передан вами по релейной связи точно по графику.

— Ну и ну! — вырвалось у оператора. — Без меня меня женили!

— Вы против такого решения вопроса? — искренне удивился помощник. — Ваш гендиректор ни слова не сказал против и пожелал вам хорошо отдохнуть.

— Мы постараемся оправдать... вся группа... — неуверенно произнес режиссер, и слова застряли у него в горле.

— Я уже посоветовался со специалистами, подготовил список необходимой для вашей работы аппаратуры и программного обеспечения. — Помощник положил на стол раскрытую папку. — Если чего-то не хватает, не стесняйтесь, дополняйте.

Все, кроме Белкиной, склонились над папкой. Перечисленная аппаратура была самой современной, смонтировать на ней телевизионный сюжет оставалось делом техники.

— Цифровая монтажная станция... программный пакет... — бормотал режиссер, — видеоплееры, три ноутбука, два принтера... Кажется, вы ничего не забыли. Когда это нам доставят?

— Техника уже в резиденции, проходит осмотр и наладку.

— Нельзя ли вернуть мобильные телефоны, — стараясь говорить спокойно, произнесла Белкина. — Руководство, кол-

леги могут звонить нам, и если они заподозрят...

– Я уже предупредил вашего гендиректора, что охотхозяйство расположено в горах, и мобильная связь там отсутствует. Если кто-то отказывается от работы, я не настаиваю. Пусть сразу скажет, замену мы найдем мгновенно.

Телевизионщики переглянулись. Даже без слов стало понятно, что никому не хочется терять место.

– Вот и отлично. Кассету охрана вам вернет. Чужого нам не надо, каждый должен заниматься своим делом. И еще, – помощник пристально посмотрел на оператора, – предстоит напряженная работа, так что увлекаться я не советую.

– Спасибо за откровенность. Но третью выпить обязан, так не нами заведено.

Помощник пожал плечами, смерил грузного оператора взглядом и не стал возражать: было понятно, что такому здоровяку от лишних пятидесяти граммов не запьянеть.

– Я за ним прослежу, – пообещала Белкина.

Монтажную компьютерную станцию доставили и развернули в каминном зале буквально через полчаса. Выдали и ноутбуки. Гостевой домик теперь напоминал еще не обжитый офис, под ногами путались кабели.

Первым делом, когда охрана ушла, режиссер вставил в плеер возвращенную охраной кассету. На ней, конечно же, не хватало последних минут записи – тех самых.

– Это копия, оригинал остался у них, – авторитетно заявил оператор, осматривая корпус кассеты. – Правда, рано

или поздно, но восторжествует.

– А пока это случится – за работу. Мы должны окончить фильм вовремя и учесть все пожелания заказчика, – раздраженно напомнил режиссер.

На большом экране монтажного компьютера мелькали отснятые черновые куски. Режиссер делал записи в сценарии, отмечая снятые куски: президент плыл в море, сидел за письменным столом, листал бумаги, просматривал телевизионные новости, гулял по парку, читал газету...

– Не так уж и плохо, из этого можно будет кое-что духовное и слепить, – наконец произнес режиссер. – Верни-ка последний кусок, когда он читает газету, – обратился он к видеоинженеру.

Глаза смотревших на монитор слегка увлажнились. Глава государства державно морщил лоб, вглядываясь в строчки, затем опустил газету и негромко произнес, дружелюбно глядя прямо в камеру:

– Вы уже сняли то, что хотели? Я хотел бы побыть один. Отпуск все-таки.

После этого камера «наехала ему на глаза», они заняли весь экран.

– Стоп, – режиссер рассек воздух рукой, желая остановить кадр, – вот это и будет финальной точкой. Или кульминационной? Как ты считаешь, Тома?

Белкина, скрестив на груди руки, отошла на несколько шагов:

– Неплохо. Вот только газета у него в руках вчерашняя. А по логике событий должна быть завтрашняя, получается, что глава государства отстает от реальной жизни.

Режиссер подпер голову руками:

– Да, какой-нибудь дотошный зритель это заметит.

– Можно ему газету в руках поменять, техника и не такое позволяет, – воодушевился видеоинженер.

– Надо только с помощником согласовать.

– Думаю, он будет в восторге, – решила Белкина. – Такой вариант с нашей стороны – мелкий простительный грех по сравнению с крупномасштабным обманом всего прогрессивного человечества.

Моральные сомнения не долго терзали режиссера: он понял, что потом, когда правда выйдет наружу, ему будет о чем рассказывать зрителям. Мол, под давлением спецслужб ему пришлось подменить номер газеты в руках президента.

– Да, правда всегда в деталях, – изрек он одну из своих любимых фраз. – По-крупному обманывать легко, но убедить мелкой деталью – это уже настоящее искусство.

А через час Тамара Белкина и оператор уже работали в парке под присмотром мрачных парней из охраны президента. Телеведущая стояла на фоне окна и шепотом сообщала будущим телезрителям:

– Президент публичная фигура, его жизнь интересна миллионам. Но глава государства, как и каждый человек, имеет право на отдых, на личную жизнь. Поэтому мы не стали

злоупотреблять гостеприимством хозяина Бочкарева Потока. Он там, за этим окном, и не будем ему мешать, – Белкина приложила палец к губам.

– Снято! – Оператор забросил штатив с камерой на плечо. – А теперь, ребята, нам надо успеть снять то, как солнце в море садится. Ему-то никакая власть не указ. Сядет за горизонт, и спрашивать ни у кого не станет.

Глава 4

Шасси истребителя коснулись бетонки. Хлопнули крестообразные купола тормозных парашютов. Бондарева бросило вперед – натянулись ремни безопасности. Самолет пробежал до конца полосы и замер. Смолкли двигатели. Команда обслуживания бросилась собирать парашюты, к борту подкатили хлипкие металлические лесенки.

– Прибыли, – раздался в наушниках голос пилота.

Плексигласовый фонарь поднялся. Пилот снял шлем, и только сейчас Бондарев увидел его лицо – радостное, улыбающееся, словно и не было за спиной короткого по времени, но изнурительного перелета.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Шли по небу плавно, как междугородный автобус по автостраде.

– Это асфальт в России кладут неровно, а воздух у нас ровный. Хотя пару воздушных ям при посадке словить-таки повезло. Первый раз у меня такой спокойный пассажир. Вы сумели вздремнуть во время полета.

– Армейская привычка. Солдатом умудрялся спать даже в строю.

– Вы бывший авиатор?

– Что-то в этом роде, – улыбнулся Клим Владимирович, выбираясь из тесной кабины.

На горизонте синели горы, солнце припекало.

– С прибытием, – козырнул Бондареву абсолютно незнакомый ему подполковник в форме ВВС и жестом пригласил следовать за собой. – За вами уже выехали.

На летном поле не чувствовалось суеты, никто не удивлялся, что истребителем доставлен пассажир, словно такое происходило тут каждый день.

В небольшой комнате с узкими металлическими шкафчиками, где переодевались летчики, Бондарева уже ждал горячий кофейник, пара бутербродов и ваза с печеньем. Но не успел он сделать и пару глотков, как за окном нарисовался черный джип с тонированными стеклами.

Помощника президента Клим узнал прежде, чем тот повернулся к окну лицом. Опыт, приобретенный в спецслужбах, научил его узнавать людей по фигуре, походке, жестам. Ни грим, ни парики, ни накладные бороды и усы не могли бы ввести Бондарева в заблуждение. Даже если бы мужчина переоделся женщиной, Клим издалека распознал бы обман.

Они столкнулись на крыльце, Бондарев держал в руке пластиковый стаканчик с уже успевшим остыть кофе.

– Как долетели? – вместо приветствия произнес помощник.

– Давно не был в роли курсанта летного училища, даже хотелось переключить управление на себя.

– Думаю, у вас получилось бы.

– Конечно, особенно при включенном автопилоте.

– Вас уже ждут, – помощник распахнул дверцу джипа.

Клима не насторожило то, что было сказано обтекаемо: «ждут». Чиновники из ближайшего окружения главы государства обычно так и говорили – во множественно числе, словно президент был каким-то сверхъестественным существом, способным разделяться на несколько я и одновременно находиться в разных местах.

На дальних подступах к Бочкареву Потоку шоссе перего-
раживали бетонные блоки, поставленные так, что проехать между ними можно было только зигзагом и на минимальной скорости. На обочине высилась громада БМП. На броне грозно чернел крупнокалиберный пулемет с заправленной лентой. Помощник не очень умело объехал препятствия. Несмотря на пропуск, укрепленный на лобовом стекле, джип остановили люди в камуфляже, бронежилетах, касках, с короткими десантными автоматами. По тому, как они держались, Клим сразу распознал, что в форму внутренних войск одеты не обычные контрактники, а профессионалы из Федеральной службы охраны. Машину осматривали без лишних слов, но очень тщательно, даже открыли багажный отсек и заглянули под днище при помощи зеркала, закрепленного на раздвижной рукоятке.

– Можете ехать, – приложил к каске ладонь командир блокпоста, документы его не интересовали: он сверился с набором фотографий, заправленных в пластик, и вновь сунул их в карман.

Снимков было немного – двенадцать штук. Вдалеке виднелись и другие посты.

– Враг не пройдет? – улыбнулся Бондарев, все еще не подозревая плохого.

– Антитеррористические учения сейчас в моде, – вновь обошелся необязательной фразой помощник президента.

Больше машину не останавливали. Да и зачем? По дороге к воротам резиденции Клим насчитал три поста наблюдения и четыре свежеставленные камеры слежения. Джип буквально вели – передавали из рук в руки.

В Бочкаревом Потоке Климу приходилось бывать и раньше. Поэтому он сразу напрягся, когда машина миновала главный корпус и свернула к задворкам резиденции. Обычно хозяин встречал его у парадного входа.

– Он вам все сам объяснит, – ответил на вопросительный взгляд Бондарева помощник главы государства и затормозил у крыльца невзрачного здания, напоминающего ангар.

Машина остановилась напротив крыльца. Под навесом расположились двое рослых телохранителей в полной экипировке. Они бесстрастно изучали прибывшего гостя. Один из них сверился с фотографией, извлеченной из кармана, и приоткрыл дверь. Помощник прошмыгнул первым, Бондарев проследовал за ним.

В узком коридоре царил полумрак, горели лишь дежурные лампочки. Шаги отдавались гулким эхом от металлических перегородок и ограждений.

– Вот мы и пришли, – помощник остановился перед дверью с грозной надписью «СТОЙ! ОТКРЫВАЕТСЯ АВТОМАТИЧЕСКИ!» и провел пластиковой карточкой через прорезь сканера.

В армированной перегородке зашипели невидимые пневмоцилиндры, и створка отъехала в сторону.

– Прошу вас.

Клим шагнул в прохладный полумрак. Перед ним простирался огромный спортивный зал. В глубине поблескивали лакированные доски баскетбольной площадки, темнело искусственное покрытие теннисного корта. Ближе ко входу располагалось освещенное прожектором татами. Все окна спортивного зала были плотно завешены темной материей.

Во всем этом было ощущение какой-то тревожной нереальности, полной отрезанности от реального мира. В полумраке произошло движение, и в круг яркого света, прямо на татами, вышел глава государства. Глаза его смотрели устало.

– Здравствуй, Клим, извини, что выдернул тебя из Москвы без предупреждения, – негромко произнес он.

Чувствовалось, что президент рад встрече, и в то же время не уверен, правильно ли поступил, пригласив Бондарева.

– Привет, – Клим пожал вялую руку друга. – Пригласил меня, чтобы выяснить, кто из нас лучше владеет дзюдо?

Бондареву хотелось разрядить гнетущую атмосферу незатейливой шуткой.

– Нет, – улыбнулся президент, – потому что знаю заранее:

мне тебя на татами не одолеть, а проигрывать я не люблю.

– У тебя мания преследования? Что случилось?

– Пошли, – глава государства жестом остановил помощника и повел Бондарева в глубину зала.

За черным пологом была низкая дверь, наспех оббитая пенопластом. Пригнув голову, Клим шагнул в нее. Повернувшись рубильник – вспыхнули яркие лампы. На стенах гудели кондиционеры, в помещении царил холод. Президент сдернул простынь с тела, лежавшего на металлическом столе в центре небольшого зала.

С минуту Клим смотрел на мертвеца. На затылке виднелся свежий разрез, значит, недавно делали трепанацию черепа. Во лбу чернела огнестрельная рана.

– Похож, – Клим отвел взгляд. – Если бы ты не стоял рядом, я мог бы и ошибиться.

– Убийца тоже ошибся. Случайность, что я остался жив. Двойник во время телевизионных съемок вместо меня выгуливал собаку. Снайпер с расстояния в два километра уложил его и одного охранника.

– Кто знает, что убили не тебя? – Бондарев сразу же сообщил, какое решение принял президент после выстрела.

– Узкий круг, – произнес глава государства.

– Если тебе важно мое мнение, говори более конкретно.

– Только те, кто охраняет спортзал, минимум людей из персонала и криминалисты из моей охраны. Все остальные могут только догадываться. Погибший охранник наверняка

был осведомителем убийцы, иначе зачем его убивать?

– Это ты так решил, или твои аналитики? Очевидный вывод почти всегда ошибочен.

– До сих пор не понятно, кто заказчик.

– Да, друзей у тебя хватает. Послушаешь твои интервью и выступления, вокруг одни друзья: друг Билл, друг Гельмут, друг Тони, а еще были друзья Садам и Слободан...

– Первые двое – не мои, а предшественника. Цену дружбы в политике ты сам знаешь. Но среди больших людей отношения при помощи снайпера не выясняют. Сегодня стабильность в мире ценится превыше всего.

– Террористы? – Бондарев прикрыл убитого простыней.

– И они отпадают. Убийца, без сомнения, видел в оптический прицел, что поразил цель наверняка. Они бы не молчали. Уже растрезвонили бы на весь мир об очередной удаче.

– Тоже верно, – Клим наморщил лоб. – Остается одиночка-маньяк.

– То, как было спланировано покушение, говорит о том, что и этот вариант – мимо. Холодный расчет, хорошее фининсирование и педантичное профессиональное исполнение.

– Олигархи?

– После посадки Холезина они все присмирели и стали ручными, – усмехнулся президент.

Бондарев пожал плечами:

– Могу только поздравить тебя с чудесным спасением. Но

всю охрану придется сменить.

– Будем надеяться, что осведомитель был один. Я никому не доверяю, кроме тебя, – негромко произнес президент. – Ты же знаешь: если кого-то решили убить, то ничто не поможет. Я не могу вечно сидеть в этом спортзале. Любую охрану можно перекупить или найти профессионала с лучшей подготовкой. Это вопрос времени. Попытку наверняка повторят, а у меня через десять дней здесь назначена встреча с главами СНГ, неформальная, «без галстуков», ее отменить нельзя. Я буду вынужден показаться перед камерами. Если за это время мы не найдем исполнителя и заказчика...

– Мне многое не нравится из того, что ты делаешь, – произнес Клим, глядя президенту в глаза, – но ты мой друг.

– Я не идеальный, однако из тебя президент получился бы в сто раз хуже, чем я, – невесело улыбнулся глава государства.

– Я это знаю, потому и не пошел в политику, хоть ты и предлагал. У тебя и у меня есть сейчас только один козырь. Стрелявший уверен, что убил тебя, следовательно, ему осталось только доказать это заказчику. Про тебя он больше не думает. Ты правильно сделал, что временно «залег на дно». Старая чекистская привычка? Или помощники подсказали?

– Есть навыки, которые не забываются.

– Особенно то, что касается выживания в дружеском окружении, – Клим сузил глаза и тут же добавил: – Шутка!

– Пойдем отсюда, здесь слишком холодно, пришлось де-

монтировать кондиционеры из гостевого домика.

– Раз уж ты выбрал тактику умалчивания о случившемся, то самое время позаботиться о предотвращении утечки информации. Кое-что твои люди уже сделали, видел, пока ехал.

– Утечка невозможна. – Глава государства прикрыл за собой дверь, оббитую пенопластом. – Минимум посвященных, максимум предосторожности. Резиденция герметична, как консервная банка.

– А тележурналисты?

– Они работают под надежным присмотром, отсутствие связи с внешним миром полное.

– Не уверен. Журналист, а тем более – русский, всегда найдет лазейку. А новость в их руках такая, что тяжело устоять от соблазна поделиться ею со всем миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.